

Tatiana Sawczenko

«День русской культуры» в среде русской эмиграции первой волны

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 143-154

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tatiana Sawczienko

Państwowy Instytut Języka Rosyjskiego
Moskwa, Rosja

«ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ¹

*День рождения самого славного из ее сынов и есть «День Русской культуры»
Из газет русской эмиграции*

Ключевые слова: *Русская эмиграция первой волны, «День Русской культуры», Пушкин как культурный символ Русского зарубежья*

Замысел празднования Пушкинских дней, впоследствии приобретший особое значение в Русском зарубежье, впервые возникает у членов петроградского «Дома литераторов» ещё в конце 1920 г., и в организационный комитет тогда входят А.А. Блок, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилёв, М.А. Кузмин, В.Ф. Ходасевич. Вначале чествование приурочивается ко дню смерти Пушкина, и первое торжественное заседание проводится в феврале 1921 г. (с речами на нём выступают А. Блок, В. Ходасевич, А. Кони, Б. Эйхенбаум, а в адрес оргкомитета поступают приветствия от шестнадцати научных и литературных организаций России). В Русском зарубежье, как на Западе, так и на Востоке, Пушкинские дни продолжают широко отмечаться, независимо от политических воззрений и разногласий: Пушкин объединяет в этот день всех русских – «по обе стороны черты»².

Если обратиться к старому, ныне почти забытому русскому слову «почин», – почин празднования «Дня Русской культуры» положили русские эмигранты в Эстонии в 1924 г. Именно здесь 26 мая по старому стилю, в день рождения А.С. Пушкина, впервые устраивается праздник «Дня русского просвещения».

---

¹ В сокращенном варианте под названием ««Дни Русской культуры» в Русском зарубежье 1920-1930-х годов» статья опубликована в журнале „Русский язык за рубежом” 2011, № 5 (228), с. 89-95.

² *Перезвоны*, Рига 1926, № 20; *Родина. Сборник для детей и юношества*, Рига 1926; *День Русской Культуры. Сборник статей*, Вильно 1926; Н. Павлович, *Русская культура и Подкарпатская Русь*, Ужгород 1926; *Родное слово*, Варшава 1926, № 1; *Пушкинские дни в Шанхае*, „Австралиада. Русская летопись”, Сидней 1999, № 20; Г.Е. Потапова, *Юбилейная Международная конференция «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века»*, „Русская литература” 2000, № 3, с. 233-244.

Вносится предложение учредить отныне ежегодный русский праздник за рубежом, приурочив этот день – «День Русской культуры» – ко дню рождения великого национального поэта по новому стилю. «Говорить о Пушкине в “День Русской культуры” более чем естественно», – такой фразой открывается статья историка Е.И. Шмурло «Что такое день русской культуры?»³.

Идея ежегодного проведения праздника встречает полное сочувствие русских организаций за рубежом, и тогда же в Праге учреждается специальная комиссия, «широко рассылающая свои воззвания»⁴. Они находят сочувственный отклик, и уже в следующем, 1925 году, «День Русской культуры» отмечается в тринадцати странах русского рассеяния: Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии, Чехии, Германии, «вольном городе» Данциге, Болгарии, Франции, Швейцарии, Югославии, Турции, США (на Дальнем Востоке, в «русском Китае»), праздник будет отмечаться с 1926 года).

В разных местах он называется по-разному: и «День Русской культуры», и «День Русского просвещения», и просто «Русский день». Не везде его празднование проходит точно в день рождения А.С. Пушкина – его проведение соотносится с местными условиями: в иных местах он отмечается в ближайшее к этому дню июньское воскресенье, «но всюду он достигал своей цели: напомнить русским, живущим за [...] рубежом нашего отечества о том, что больше всего связывает их воедино – о русской культуре»⁵. Подводя итоги праздника 1925 г., корреспонденты отмечают, что «в странах наибольшего скопления эмигрантов – особенно в Чехословакии – праздник прошёл с исключительной торжественностью, в других местах он чествовался скромнее»⁶.

Девизом праздника становятся слова «вспомните в этот день Россию и то, что было вам в ней самого дорогого». Везде праздник начинается торжественными богослужениями, во время которых произносятся проповеди о неразрывной связи русской культуры с православием. Сразу же перед первыми организаторами праздника встаёт вопрос: что именно будет отмечаться – действительно праздник или «поминки» по русской культуре? Проф. А.А. Кизеветтер в этой связи убеждает: «И не будем при этом бояться слова “праздник”. Да, пусть этот день ощущается именно как праздник, как луч света во тьме. Говорят: нельзя устраивать праздник в годовщину национального бедствия... Но ведь не к бурному ликованию и угарному веселью сводится понятие “праздник”. Праздник есть прежде всего торжественный подъём духа, возвышающий нас над повседневной прозой. Такой подъём может состоять в серьёзном размышлении, в торжественной сосредоточенности...»⁷. В Подкарпатье, в Мукачево, проф. Е.В. Спекторский заканчивает свою речь, посвящённую русской культуре, словами: «День русской культуры – это не день скорби, а день радости»⁸.

³ Е. Шмурло, *Что такое день русской культуры?*, [в]: *Зодчие русской культуры: Сб. статей*, Прага 1926.

⁴ *День Русской культуры: Обзор празднования в 1926 году*, сост. Н.А. Цуриков, Прага 1927, с. 4.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 13.

⁸ Там же, с. 14.

Даже иностранные школы в этот день освобождают своих русских учеников от занятий – из уважения к их празднику. Нередко именно школы и берут на себя основную инициативу в проведении дней Русской культуры («русские школы вообще являются во многих местах центральными очагами русской культуры»)⁹, например, в Югославии и Харбине, где было особенно много русских школ. И «День Русской культуры» в школе – это непременно годовой отчёт о школьной жизни, успеваемости, смотр самодеятельных школьных коллективов, а иногда торжественный парад. Нередко вечером праздничного дня в виде особого поощрения лучшие ученики приглашаются «на чашку чая» к директору гимназии.

Справедливости ради нужно отметить, что эмигранты, в том числе молодое поколение, помнили о русской культуре не только в праздничные июньские дни. Так, в информации «В Обществе русских студентов», опубликованной в одном из номеров парижских „Последних новостей”, сообщается, что «28 февраля [1925 г. – Т.К] “Общество русских студентов” для изучения и упрочения славянской культуры устраивает [...] большой масленичный концерт-бал под почётным распорядительством профессора А. Анцыферова и академика И. Бунина»¹⁰.

В 1926 г. праздник «День Русской культуры» разливается мощным потоком по всему Русскому зарубежью и отмечается уже на четырёх континентах (Европе, Азии, Африке и Америке), в семидесяти двух городах и местечках двадцати государств (включая Данциг). Нельзя не привести здесь этот список, наглядно показывающий воистину вселенские масштабы «русского рассеяния» – и, соответственно, – русской трагедии: Австрия (Вена), США (Нью-Йорк), Англия (Лондон), Болгария (София, Варна), Германия (Берлин, Дрезден), Греция (Афины, Салоники), Данциг, Египет (Каир), Италия (Рим), Китай (Харбин), Латвия (Вышгород, Гавры, Грива, Двинск, Кировск, Корсовка, Мельница, Рига, Покровское, Режица, Якобштадт), Литва (Ковно), Польша (Брест-над-Бугом, Варшава, Вильно, Гродно, Кременец, Лида, Львов, Острог, Ровно, Ченстохов), Турция (Константинополь), Финляндия (Выборг, Гельсингфорс, Райволо), Франция (Медон, Монстаржи, Ницца, Париж, Сен-Клу), Чехословакия (Буковец, Великое Березано, Горяны, Густ, Домашница, Моравская Острава, Мукачево, Пльзень, Прага, Севлюш, Ужгород, Чешские Будевицы), Швейцария (Женева), Эстония (Кулья, Коппель, Лавры, Лисья, Нарва, Новый Изборск, Печки, Печоры, Старый Изборск), Югославия (Белая Церковь, Белград, Дубровник, Загреб, Зайчар, Игало).

Проф. Е.В. Спекторский свидетельствует: «Мы уходили в изгнание с пустыми руками, но с полным сердцем. Нищие материально, мы были и остались богатыми духовно, ибо в наших сердцах и в наших умах хранились [...] неиссякаемые сокровища нашей [...] национальной культуры. Мы бережно храним эту нашу святыню, мы стараемся в меру наших сил её приумножить и передать как нашим детям, так и нашим зарубежным друзьям [...] и когда, как сегодня, мы видим, что мы в нашем рассеянии не одиноки, и что наши друзья разделяют с нами нашу любовь к России и её культуре, нашу веру в грядущее возрождение, мы не только

⁹ Там же, с. 20.

¹⁰ В «Обществе русских студентов», „Последние новости. Ежедневная газета”, Париж 1925, 28 февраля, № 1487, с. 4.

благоговейно и благодарно вспоминаем минувшее, но ещё безбоязненно глядим вперёд, ибо вместе с Пушкиным знаем: где Россия, там и неколебимость»¹¹.

Однодневная газета „День Русской Культуры”, вышедшая в Париже 8 июня 1926 г., вся посвящена Пушкину. В открывающей выпуск статье «День культуры», подписанной Комитетом, говорится: «Пушкин – это эра нашей культурно-национальной зрелости, память того момента, когда русская культура получила право на мировое значение»¹². «День Русской культуры – день Пушкина», – повторяет В. Зензинов¹³. Обратим внимание на названия статей, авторами которых являются видные представители Русского зарубежья – писатели, учёные, крупные политические деятели: *Софийский звон* (И. Бунин), *День Русской культуры* (М. Гофман), *Пушкин* (Б. Зайцев), *С Пушкиным* (Д. Мережковский), *Пушкин с нами* (В. Зензинов), *Пушкин и Чаадаев* (П. Миллюков), *Из жизни Пушкина* (В. Ходасевич), *Помни* (С. Юшкевич), *Современник Пушкина* (А. Яблоновский), *Пушкин на итальянской сцене* (М. Алданов).

Главная сюжетобразующая линия всех без исключения публикаций – мотив памяти. В статье Семёна Юшкевича *Помни* читаем: «День Русской культуры, частично связанный с празднованием рождения Пушкина, сочетается у меня со скромным словом “помни”, и иного значения здесь за рубежом иметь не может. Этот новый сотворённый праздник создан в наших гражданских святцах стихийно с общего согласия разбросанных по всему миру русских.

[...] С раннего утра начинается глушение нашей памяти о родине. Русский язык, русская книга, русская газета, русская улица, русский город, русский быт, русский интерес, русский труд, всё, что формировало русского человека, – за тысячи вёрст от нас. И как мы ни противимся этому изгнанию русского из нашей жизни, необходимость приспособиться к новой среде, хоть внешне одеться в защитные цвета, постепенно, но верно, может быть, и незаметно для нас, меняет и нашу психологию, и самый язык, и навыки. Если мы, старые, чувствуем это влияние, то как это отзывается в наших детях?»¹⁴.

Вот отзыв одного из участников праздника, проведённого в 1926 г. в Берлине: «Этот вечер дал мне сил на целый год, до нового дня Русской культуры [...] Теперь мне этот год не страшен»¹⁵. А вот впечатление участника празднования этого дня в Париже, настолько эмоционально яркое и вместе с тем глубоко личное, что невозможно не привести его почти целиком: «Я не знаю, как я попал на этот праздник в Трокадеро. Прочёл о нём в газетах, вечер оказался случайно свободным, и, сквозь скуку и безразличие, я подумал: “Пойти разве?... Программа кажется, хорошая, а главное, не дорого”.

И первое, что почувствовал я, попав в этот ровный свет, и глухой, грозный своей силой, рокот, увидев это не виданное никогда раньше, подавляющее зре-

¹¹ *День Русской культуры...*, с. 14.

¹² *День культуры*, „День Русской Культуры. Однодневная газета. Издание Союза русских писателей и журналистов в Париже, Комитета помощи писателям и учёным, Русского академического союза и Народного университета”, Париж 1926, 8 июня, с. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ З.Ю. Арбатова, *Праздник в изгнании. «День Русской Культуры», „За свободу”*, Берлин 1926, № 133 (1864).

лище людской массы, до последнего места затопившей необъятный амфитеатр этого Колизея, первое – было чувство стыда: как мог я решиться пойти сюда “между прочим”, кстати, случайно; как мог я не готовиться задолго, как мог задолго не почувствовать величия и необходимости этого праздника? [...]

Сколько было народу? Не знаю. Мне называли цифру – шесть тысяч. Она, конечно, преувеличена, но глаза видели больше... Я был подавлен и потрясён этой мощью, этой собранностью. Поражён этой страшной силой магнита, вдруг и так крепко, круто собравшего рассеянные, рассыпанные, лёгкие зёрна. В этом было что-то не объяснимое разумом, мистически вещее. Я никогда даже зрительно не мог представить такого количества людей-одиночек, рассыпанных по чужой земле...»¹⁶.

В 1927 г. праздник в Париже проходит с 8 по 12 июня. Перед началом радио-концерта член Комитета князь С.М. Волконский произносит по радио на французском и русском языках краткое вступительное слово, посвящённое «Дню Русской культуры». Выбор на Волконского падает не случайно: именно он – признанный хранитель «чистоты русской речи» за рубежом, и много позже эмигранты, пытаясь сохранить для потомков «золотую» русскую речь, записывают на магнитофонную плёнку «обыкновенный разговор» князя как один из последних образцов этой «чистой золотой русской речи». Праздник заканчивается музыкально-артистическим вечером в Трокадеро: «В прошлом году огромный зал Трокадеро был полон. Тысячи русских людей пришли туда, не только ища эстетического удовольствия, но и объединения в общем национальном и патриотическом чувстве. И такое объединение произошло. Это и есть самое ценное в нашем национальном празднике. Традиция установлена»¹⁷.

Дню Русской культуры посвящает свой очередной номер выходивший в Париже русский художественный журнал «Перезвоны», тема которого в 1927 г. – «Господину Великому Новгороду и младшему брату его, Пскову»¹⁸.

Обратимся к описанию «Дня Русской культуры» в Германии этого же – 1927-го – года. Для организации праздника в Берлине по инициативе Русского академического союза организован Комитет, в состав которого делегируются представители около сорока различных русских объединений и учреждений, среди которых – Русский научный институт, Русский академический союз, Союз русских студентов, Кружок русской молодёжи, Комитет помощи студентам, Союз русских инженеров, Союз журналистов и литераторов, Союз русских преподавателей, школа при Русском академическом союзе, школа св. Георгия, Русский Красный Крест, Комитет помощи детям и мн. др.

Праздник в Берлине состоит из двух частей, и важнейшая его часть посвящается детям, которые вечером на специально зафрахтованном пароходе с оркестром выезжают на озеро Мюггел. Обратимся к анонсу праздника, опубликованному в парижской газете „Возрождение” под заголовком «День Русской культуры в Берлине»: «В закрытом помещении, специально декорированном художником, участники поездки (около 250 человек) получают горячий обед, после чего

¹⁶ Р. Днепров, *Праздник духа*, „Возрождение”, Париж 1926, № 375.

¹⁷ *День культуры...*, с. 3.

¹⁸ *Руль*, Берлин 1925, 14 июня.

будет выполнена особая программа: известный педагог Н.В. Яковлев произнесёт речь, посвящённую Дню Русской культуры, хор Фремке исполнит ряд русских песен, а студия Николаевой даст балетную постановку. Затем для детей будут устроены игры на свежем воздухе. В 4 часа дня участникам праздника будут предложены какао, чай с булками и пирожными, а в 5 часов они отправятся в обратный путь. Средства на устройство этого праздника собраны путём добровольных взносов организаций, делегировавших своих представителей в Комитет «Дня русской культуры»¹⁹.

Вечером того же дня в Берлине проводится торжественное собрание по случаю праздника. Проф. В.И. Ясинский произносит речь *Пути и достижения русской культуры в XIX веке*, поэт В. Сирин (В.В. Набоков) читает свои новые стихотворения, посвящённые дню русской культуры, а затем следует праздничный концерт. К этому дню напечатана специальная художественная программка – с портретом Пушкина и несколькими строками из его произведений в виньетке из аллегорических фигур. В таком же художественном исполнении отдельным изданием опубликовано стихотворение В. Сирина *Родина*, написанное 8 июня 1927 г. специально для «Дня Русской культуры».

Позволим себе небольшое отступление: сегодня мы воспринимаем не только Пушкина, но и его любимых персонажей как современников: если в наши дни учреждается литературная премия за лучшее произведение в жанре повести, опубликованное в течение календарного года, то, несомненно, – *Премия Ивана Петровича Белкина*, в честь «автора» знаменитых пушкинских повестей (учреждена в 2001 г. издательством «ЭКСМО» и журналом „Знамя”). Но отметим, что впервые о Пушкине как современнике заговорили представители русской эмиграции первой волны. Формула П.Н. Милюкова «Живой Пушкин» становится лейтмотивом публикаций о поэте: *Жив ли Пушкин?* (К.И. Зайцев), *Возрождение Пушкина* (К.В. Мочульский), *Растущий и живой Пушкин* (П.Б. Струве). В поэтическом творчестве В. Сирина этого времени нередко имя Пушкина включено в современный контекст, как в стихотворении *Изгнание* (1925):

Я занят странными мечтами
в часы рассветной полутьмы:
что, если б Пушкин был меж нами –
простой изгнанник, как и мы?²⁰

На Дальнем Востоке праздник «День Русской культуры» отмечается в Харбине, этом «фронтовом» культурном городе, где национально настроенным русским приходится вести упорную и двойную борьбу: за отстаивание своих национальных прав, с одной стороны, и за борьбу против советизации, с другой²¹. Говоря о роли дальневосточных центров эмиграции в сравнении с общепризнанными европейскими, необходимо учитывать множество конкретно-исторических и геополитических факторов, определяющих уникальность их развития и культурного бытия. Во-первых, среди русских эмигрантов на Дальнем Востоке пре-

¹⁹ *День культуры...*, с. 3.

²⁰ *Руль...*

²¹ *День Русской культуры...*, с. 10.

обладала техническая интеллигенция, а не художественная, как это сложилось на Западе, что было связано с обслуживанием КВЖД; во-вторых, Харбин и Шанхай были удалены от основных центров русской культурной диаспоры в Европе. Поэтому публикации, увидевшие свет на русском Дальнем Востоке, с трудом и со значительным опозданием доходили до русской аудитории в Европе, а европейские печатные издания, в свою очередь, с большим опозданием доставлялись на Восток. Тем не менее вклад, который внесли Харбин и Шанхай в культуру Русского зарубежья, огромен, и это уникальный опыт сохранения национального самосознания во всех сферах её проявления – религиозной, философской, научной, художественной.

Приведём выписку из протокола заседания педагогического совета 1-го Реального училища от 16 апреля 1926 г.: «Ввиду оторванности подрастающего поколения от Родины и её жизни и необходимости воспитания в нём национального духа, а также приобщения к культурным ценностям России – приступить к организации Дней Русской Культуры». Постановление заседания: «Оторванность от России диктует нам необходимость празднования Дня национальной культуры сделать *самым значимым и ярким в жизни училища*»²².

В организационном собрании по подготовке в Харбине «Дня Русской культуры», в частности, принимают участие гимназия ХСМЛ (Христианский Союз молодых людей), гимназия Дризуля, Дальневосточное объединение эмиграции, Казачий Союз, «Общество врачей г. Харбина», «Торгово-промышленный союз», представители газет „Заря” и „Русское слово”, Приморское, Уфимское, Омское, Тобольское, Иркутское и Камское землячества, а также авто- и авиакружки. Сам праздник устраивался 1-м Русским реальным училищем, Педагогическим институтом совместно с 1-й музыкальной школой, Русским студенческим обществом и «Комитетом помощи русским беженцам».

Торжественный вечер школьного «Дня Русской культуры» состоял из «коротких докладов двух преподавателей» и исполнения специально отобранных самими учащимися литературно-музыкальных произведений, через обращение к трём городам показывающих становление Российского государства: это *Киев* Хомякова, *Петербург* Пушкина и *Москва* Глинки. Чтение сопровождалось хоровой и оркестровой инсценировкой на фоне исполненных учащимися панно (Кремль, Пётр Великий и др.) и плакатами с девизами училища: «Долг перед Родиной прежде всего», «Долг и мужество», «Будь достоин своих родителей». «Таким образом организаторам “Дня” удалось спаять и тесно сплести жизнь школы с общим моментом празднования»²³.

Для облегчения участи нуждающихся соотечественников в русской диаспоре в Маньчжурии в 1920–1930-х гг. складывается целая система мер помощи, и «Харбинский Комитет помощи русским беженцам» (ХКПРБ), осуществлявший, в том числе, и координационную деятельность, относится к числу наиболее крупных организаций подобного типа. В 1931 г., готовя очередной газетный выпуск «Дня Русской культуры», ХКПРБ обращается через западно-европейские эмигрантские русские газеты с призывом к представителям науки, литературы,

²² Там же.

²³ Там же, с. 11.

искусства – прислать свои произведения для газеты-сборника. На него откликается ряд писателей и учёных (П.Б. Струве, К.Д. Бальмонт и др.), «показавши этим практическую возможность и осуществимость идеи тесного единения русских на почве общей национальной работы»²⁴.

«День Русской Культуры» от 8 июня 1931 г. выходит с портретом Александра II на первой странице, эпиграфом из Ф.М. Достоевского («Нет ничего выше, ничего светлее Его дела во всё тысячелетие России») и «Молитвой о спасении державы Российской и утолении в ней раздоров и нестроений» (впервые молитва возглашена на Российском Поместном Соборе 1917 года). Выпуск открывается «Приветствием Харбинского Комитета помощи русским беженцам», в котором его председатель В.И. Колокольников обращается к читателям с приветствием: «Харбинский Комитет горячо приветствует всех русских людей в день нашего общего праздника – “Дня Русской культуры”. Радуюсь богатству и многообразию созданных и сохранённых национальных культурных ценностей, мы – русские эмигранты – не можем, однако, не думать и не чувствовать, что наша Родина вступила в текущем году в особо жестокую пору переживаемого ею страшного кризиса, что [...] настоятельно и неотложно требует принятия Русским Зарубежьем каких-то новых ответственных решений, в основе которых должно быть единение [слово выделено разрядкой. – Т.С.], и ещё раз единение». «Приветствие» заканчивалось призывом: «Да здравствует русская культура! [...] Да здравствует Россия!»²⁵.

Главная особенность выпуска – его патриотический характер. В газете публикуются материалы к памятным российским историко-литературным и общественно-политическим датам: к 775-летию со дня основания Москвы, 75-летию основания московского Большого театра, 100-летию со дня рождения Н.С. Лескова и К.Н. Леонтьева, 75-летию со дня кончины П.В. Киреевского, 50-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского и М.П. Мусоргского. Дается материал Ю.В. Лавошников *Святитель Иннокентий Иркутский* (к 200-летию со дня кончины), включены статьи С.П. Руднева *Судебная реформа Александра II*, генерала Г.Н. Головина *Легенда о Суворове*, очерк доктора А.М. Спасского *Земская медицина*. Здесь же приводится «Русский календарь на 1931 год (юбилейные даты)».

Поскольку в харбинскую практику входят не только годовые, но и квартальные отчёты ХКПРБ, любопытно обратить внимание на один из них («Деятельность “Харбинского Комитета Помощи Русским Беженцам” за 1-ю четверть 1931 г.»), приведённый на страницах выпуска и заслуживающий особого внимания: «“Харбинский комитет помощи русским беженцам”, являющийся единственной организацией в Северной Маньчжурии, оказывающей помощь беженцам из СССР, несмотря на переживаемое тяжёлое время, продолжает расширять свою деятельность».

Условия жизни на Дальнем Востоке в СССР, видимо, сделались невыносимыми, ибо оттуда, не обращая внимания на все рогатки и трудности, льётся в Маньчжурию людской поток, нуждающийся на первое время, иногда на месяцы, в большой помощи [...] Кроме того, большая масса русских эмигрантов, ра-

²⁴ *День Русской Культуры. Издание Харбинского Комитета помощи русским беженцам, Харбин 1931, 8 июня, с. 37.*

²⁵ Там же, с. 2.

нее имевших какую-то работу, оказалась, благодаря экономической депрессии, на положении безработных и вынуждена искать общественной поддержки и помощи Комитета»²⁶.

В.И. Колокольников не скрывал от общественности трудностей, объективных и субъективных, связанных с деятельностью Комитета, а также затруднений материального характера: «“Харбинский Комитет помощи русским беженцам”, издававший настоящий сборник к 8 июня 1931 г., сообщает с глубочайшим сожалением, что, несмотря на давно ведшиеся подготовительные работы, Комитету всё же не пришлось выпустить его в свет в том виде и с таким количеством содержания, как это предполагал Комитет.

Причиной этой неудачи послужили:

- 1) чрезвычайно тяжёлое материальное положение Комитета, вынуждающее его экономить буквально каждую копейку;
- 2) позднее получение материалов от авторов, задержка с цензурой и, в связи с этим, спешка с печатанием»²⁷.

В однодневных выпусках газеты „День русской культуры” – как на Западе, так и на Востоке, – специально публикуется подробная информация о работе русских предприятий, деятельности русских гимназий, средних и высших учебных заведений: это делается, во-первых, с целью подчеркнуть жизнеспособность эмиграции; во-вторых, с целью оказания практической помощи русским эмигрантам во всех жизненно важных сферах – в приобретении образования, трудоустройстве, решении различных хозяйственно-бытовых вопросов. В этом плане любопытно привести информацию, содержащуюся в харбинском выпуске «Дня Русской Культуры».

Здесь информация двух типов. Первая небольшая группа – о работе русских предприятий различного характера, больших и малых. Это русские фотостудии (например, фотосалон Г.И. Еремеева: «В связи с царящей депрессией цены сильно понижены»), магазины (в одном из них – книжном – продаётся весьма любопытное учебное пособие А. Скрынько *Русский язык. Знаки препинания. Пособие для русской молодёжи*), бюро путешествий («осуществляем продажу пароходных билетов во все страны»), поликлиники и больницы («общедоступная лечебница с амбулаторией и рентгенкабинетом осуществляет приём больных»).

Другая большая группа – объявления образовательного характера. Это информация о наборе детей русских эмигрантов в харбинские гимназии: гимназию имени А.С. Пушкина; гимназию ХСМЛ (с двумя её отделениями – общеобразовательным и реальным); 1-ю Харбинскую Русскую частную гимназию; об открытии двухгодичных Харбинских Горных классов с «программой, применительной к Екатеринбургскому Горному институту довоенного [то есть до первой мировой войны. – Т.С.] времени»²⁸; о наборе абитуриентов в Государственный педагогический институт; о наборе на Харбинские музыкальные курсы (с преподаванием по классу сольного пения, рояля, скрипки, виолончели, с хоровым классом и теоретическим предметами).

Информация сообщает, что в гимназии имени А.С. Пушкина работают два отделения (гуманитарно-классическое и реальное) и три подготовительных класса.

²⁶ Там же, с. 36.

²⁷ Там же, с. 41.

²⁸ Там же, с. 40.

Особое внимание уделяется изучению иностранных языков – английскому и немецкому. В числе предметов преподаётся пение, музыка, рукоделие, танцы. В гимназии имеется свой духовой оркестр (участникам оркестра – скидка от годовой оплаты за обучение 20%) . При наличии трёх учащихся из одной семьи третий ребёнок обучается в гимназии бесплатно (это условие соблюдалось в абсолютном большинстве харбинских гимназий).

Старейшим (основано в 1917 г.) являлось 1-е Харбинское Русское Реальное училище на Таможенной улице. (Отметим особенность харбинской топонимики: абсолютное большинство городских улиц носило названия или повторяющие названия улиц российских городов, или русские по происхождению: Садовая, Ямская, Гоголевская, Китайская, Сквозная, Биржевая, Пекарная, Кавказская, Цицикарская, Большая Полевая, Сунгарийский проспект, Почтовая, Брусиловская, Инженерная, Диагональная и т. д.). Поскольку училище готовило абитуриентов, главным образом, для поступления в технические вузы, основная его деятельность заключалась в преподавании предметов физико-математического цикла. Но при этом особое внимание уделялось практическому изучению английского языка, спорту (в частности, спортивной гимнастике), классному и хоровому пению. При училище имелся свой духовой оркестр «с бесплатным обучением». Для учащихся средних классов были специально введены бесплатные уроки ручного труда. В информации об училище читаем: «Ежедневно отпускаются завтраки за минимальную плату»; «Летом устраивается хорошо оборудованная лагерь-площадка (игры, яхта [...], лодки, стол из хороших продуктов, аппаратная гимнастика и т.д.). Учащиеся живут в летней деревянной постройке и палатках. Обязательный бесплатный общий врачебный и зубо врачебный надзор [последние четыре слова выделены полужирным шрифтом. – Т.С.]». В конце информации его авторы (Правление училища и директор Колокольников) сообщают: «Начата организационная работа по постройке современного здания, для чего устраивается “Счастливый базар” [выделено прописными буквами. – Т.С.]» и обращаются к читателям с призывом: «Поддержите высококультурное русское общественное дело!»²⁹.

В объявлении о наборе в 1-ю Харбинскую Русскую частную гимназию (существующую с 1920 г.), отмечалось, что преподавание ведётся по программам гимназий и реальных училищ, установленным Департаментом народного просвещения (в «русском Китае» имелся и такой). Изучаются английский, немецкий и китайский языки. При гимназии имеется приготовительный класс. И хотя гимназия являлась частной, плата за обучение в ней определялась Департаментом народного просвещения. Любопытно отметить, что директорами гимназий и училищ в Харбине были, как правило, профессора.

Государственный педагогический институт имел в своём составе три факультета: словесно-исторический, физико-математический и географо-экономический. Окончившие его четырёхлетний курс получали диплом преподавателя средней школы. Пединститут имел свою гимназию и детский сад, а также три приготовительных класса. В объявлении, размещённом на страницах «Дня Русской Культуры», обещалась «помощь студентам неуспевающим» и «доступная плата [...] с льготами».

²⁹ Там же, с. 44.

Юридический факультет (его Русское отделение существовало с 1920 г.), имел в своём составе два отделения: собственно юридическое и экономическое. Последнее, в свою очередь, было представлено подотделами: коммерческим, железнодорожным и восточно-экономическим: «Восточно-экономический подотдел состоит из двухлетних курсов китайского и русского языков, имеющих задачей дать законченную подготовку по разговорному и литературному китайскому языку и по необходимым восточным дисциплинам. Лица, окончившие двухлетние курсы китайского языка, получают удостоверение об окончании курсов и могут заняться практической деятельностью. Те же из них, которые пожелают продолжить образование, поступают на третий курс экономического отделения и в течение двух лет получают законченное образование по восточно-экономическому отделению»³⁰.

Духовная и культурная жизнь русской эмиграции первой волны проходит под знаком Пушкина. Парижская газета „Восход” (июнь 1933 г.) выходит с пушкинским эпиграфом из *Руслана и Людмилы* («[...] Дорогою свободной / Иди, куда влечит тебя свободы дух, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный») и публикует статью с примечательным названием «День Русской культуры – День Пушкина», в которой говорится: «Спасаясь из горящего дома, забирает человек с собой самое дорогое, святое. Бежали и мы, и унесли в своих душах самое святое, что дала нам родина: наши духовные сокровища. Только тут, вдали от Родины, по-настоящему поняли и оценили, каким богатством обладали. [...]

Приурочим этот день к великому дню – рождению Пушкина»³¹.

В 1937 г. русская эмиграция в последний раз столь широко – выставками, концертами, юбилейными изданиями, торжественными речами – в сорока двух государствах пяти частей света отмечала 100-летие памяти национального поэта. Центром праздника стал Париж, а наиболее впечатляющим его моментом – уникальная выставка «Пушкин и его эпоха». Основу выставки составили предметы из личной коллекции С.М. Лифаря: дуэльный пистолет, личная печать поэта, его письма к Наталье Гончаровой (письма будут возвращены в Россию в 1989 г.) и другие бесценные реликвии. На открытии выставки присутствовали внук Пушкина и потомки тех, с кем пересекался жизненный путь поэта, – А.А. Дельвига, И.И. Пуцина, Д.В. Давыдова, А.П. Керн, а также Ж. Дантеса. В *Золотой книге* почётных гостей выставки свои имена оставили И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, Ф.И. Шаляпин и др.

В 1938 г. в Харбине по инициативе и непосредственном участии архимандрита Константина (К.И. Зайцева) был опубликован великолепный «альбом с сопроводительным текстом» *Пушкин и его время* (тиражом в 1116 экземпляров: 16 именных и 44 нумерованных) – образец высокого полиграфического искусства, содержащий огромное число рисунков, иллюстраций, фрагментов работ о Пушкине и документов, связанных с его именем. Издание харбинского альбома завершило пушкинские дни в Русском зарубежье 1920-1930-х годов.

Итак, традиция празднования «Дней Русской культуры» приобрела в Русском зарубежье значение особое. Имя великого национального поэта стало основой

³⁰ Там же.

³¹ *День Русской культуры – День Пушкина*, „Восход”, Париж 1933, № 6, с. 7.

«культурной идеологии» эмиграции, символом утраченной Родины. Как не раз уже бывало и ещё не однажды будет в истории, русских спасала только их культура. Русская эмиграция, в том числе её восточная ветвь, уже с самого начала своего исторического существования отстаивала право на верность подлинным национальным ценностям, традициям русской классической литературы, её высокому духовному опыту.

Задача сохранения культуры была связана с надеждой вернуться на родину. Не случайно статья С. Юшкевича *Помни* завершалась словами надежды: «Это “помни”, которое так дорого в изгнании, поможет перенести все невзгоды рассеяния, и, когда наступит срок, приведёт назад в Россию не оторвавшихся, чуждых родине людей, а сынов, бережно сохранивших сокровище в тяжких условиях на чужбине, сокровище, имя которому: своя Россия»³². Однако по окончании Второй мировой войны перед эмиграцией встают уже совсем другие задачи, первой из которых является задача адаптации, «вживания» в чужую культуру. Влившись в мировую культуру, «осколки» Серебряного века обогатили её вершинными достижениями культуры русской.

Summary

“Day of Russian culture” in Russian first-wave emigration communities

Based upon the materials of émigré press, the article is devoted to the celebration of a yearly Day of Russian culture in Russian expatriate communities of the 1920s and 1930s, a festive occasion which acquired special significance in the spiritual and cultural life of émigré Russians. Cultural events which took place in Paris, Berlin and Harbin are given special coverage. Days of Russian culture are associated with the name of Pushkin, a symbol of lost motherland and a key personality of Russian first-wave émigré culture.

Key words: *First-wave Russian emigration, Day of Russian culture, Pushkin as a cultural symbol of Russian expatriate communities*

---

³² *День культуры...*, с. 1.